

Тяжесть в животе невыносимо давила на нервы, а гнетущее чувство взаперти, в этой усадьбе, смешивалось с раздражением, доводя терпение Цинь Хуаня до точки кипения.

Глядя на прислугу, которая замерла в ожидании, едва смея дышать, он чувствовал лишь жгучую неприязнь. Вспышка слепой ярости заставила его поднять ногу и с силой пнуть ближайшего слугу.

— Проваливай с глаз моих, бестолочь! Заслоняешь свет!

Слуга отлетел в сторону, охнув от боли, но не посмел издать ни звука жалобы. Подобно покорному псу, преодолевая боль, он пополз обратно и упал ниц перед ногами Цинь Хуаня. Глядя на эту унижительную позу, Цинь Хуань не только не смягчился, но стал еще яростнее. Он с силой надавил каблуком своего расшитого шелком сапога на бедро слуги, с садистским удовольствием наблюдая, как тело под его ногой мелко дрожит от боли.

— Хм, бесполезный мусор.

Он сплюнул и обвел глазами комнату, где все затаили дыхание в смертельном страхе.

— Стоите тут, как деревянные истуканы, смотреть тошно.

Он раздраженно дернул за воротник, чувствуя очередной приступ дурноты. В этой дыре даже не было достойных развлечений!

— Господин, может, пойдете поохотиться? В лесу неподалеку есть загон. Там наверняка полно живности. Развеемся, разомнете кости.

Он представил, как тетива поет в воздухе, как добыча исходит стоном, падая на землю, представил кровь и сладостное чувство триумфа. Сейчас только подобная грубая активность могла хоть на время унять грызущее его беспокойство и дурноту, помогая вернуть иллюзию контроля над своей жизнью.

— Чего застыли?! — рявкнул он на слуг. — Живо готовьте коней и луки! Я еду развеяться. Если испортите мне настроение — пеняйте на себя!

Скачка, свист тетивы, вид падающих зайцев — тяжесть, копившаяся на душе Цинь Хуаня, казалось, начала рассеиваться вместе с выпущенными стрелами. Он натянул поводья, тяжело дыша, спешил и подошел к ручью. Зачерпнув пригоршню холодной воды, он плеснул себе в лицо, а затем жадно отпил из фляги.

Капли воды стекали по его слегка округлившемуся подбородку, пропитывая приоткрытый ворот одежды и кожу, которая после физической нагрузки горела нездоровым румянцем. Только он выпрямился, чтобы перевести дух, как позади раздался знакомый, насмешливый голос:

— Цинь Хуань? Ты что здесь делаешь?

Тело Цинь Хуаня сковало льдом. Этот голос он узнал бы из тысячи. Это был Сун Цичэнь — еще один известный в Пекине повеса, с которым они часто пили и кутили, не зная меры. Сун Цичэнь был известен своей всеядностью в любовных утехах, не делая различий между мужчинами и женщинами.

Не успел он обернуться, как горячая ладонь легла ему на поясницу. С нарочитой фамильярностью пальцы, скользя сквозь ткань одежды, медленно поползли вверх вдоль позвоночника, вызывая неприятную дрожь.

— Несколько дней назад слышал, что у вас в резиденции какая-то хворь, дом закрыт для гостей. Мы, братья, места себе не находили, волновались.

Сун Цичэнь придвинулся ближе, его горячее дыхание коснулось ушной раковины Цинь Хуаня, а голос звучал с игривым любопытством:

— Но сегодня... вижу тебя — и диву даюсь. Брат Цинь не только в порядке, но даже... прямо-таки сияешь.

На самом деле Сун Цичэнь заметил Цинь Хуаня издалека. Раньше они были просто собутыльниками, но сегодня взгляд Суна словно примагнитился к этой фигуре у ручья. Широкий охотничий костюм не мог скрыть очертаний тела, и этот наклон головы, когда тот пил воду, линии шеи... все это источало странную, невиданную прежде притягательность, заставляя сердце Суна биться чаще, а во рту пересыхать.

Он прижался всем телом к спине Цинь Хуаня, чувствуя, как тот напрягся. Его рука сместилась на бок, и вдруг он нащупал то, что даже под свободной одеждой было невозможно скрыть — округлую, выпуклую форму!

Рука Сун Цичэня замерла, игривая ухмылка на его лице застыла. На смену ей пришло крайнее изумление, переходящее в искаженное, жгучее возбуждение. Он прошептал прямо в ухо Цинь Хуаню, не веря собственному открытию:

— Брат Цинь... скажи мне... что это у тебя за живот?

Цинь Хуаня словно поразило молнией, кровь в жилах застыла. Его самый страшный секрет, который он так отчаянно пытался скрыть, был обнаружен! И кем — этим никчемным Сун

Цичэнем!

Он хотел оттолкнуть его, хотел все отрицать, хотел, как всегда, обрушить на наглеца гнев, но рука Суна вцепилась в него, словно железный обруч. Жар его тела и пронизывающее насквозь желание лишили Цинь Хуаня воли. Страх и стыд накатили, как ледяная волна, сковывая движения и лишая дара речи.

Конец...

Сун Цичэнь, глядя на его внезапно побелевшее лицо и дрожащее тело, разгорелся азартом зверя, почуявшего добычу. Он не отпустил его, а лишь притянул ближе. Раздался тихий смешок, полный предвкушения запретной игры и безумия.

— Похоже... болезнь у тебя, брат Цинь, весьма необычная.

Слова Сун Цичэня, как ядовитое жало, впились в слух, замораживая кровь.

— Раз уж мы встретились — это судьба. Может, пригласишь меня в свою усадьбу? Посидим, побеседуем о старом?

Лицо Цинь Хуаня стало мертвенно-бледным, губы дрожали, но он не мог вымолвить ни слова. Он не смел отказать! Он прекрасно знал, что за мерзавец этот Сун Цичэнь. Зная, что за ним стоит знатный род, тот ни в чем себе не отказывал, и если он рассердится или ему станет скучно, он без раздумий растрезвонит об увиденном на весь Пекин. Тогда ему, Цинь Хуаню, и всему роду Цинь придет конец. Это было страшнее смерти.

Огромный компромат оказался в руках врага, и он сам, словно змея, пойманная за голову, не мог даже пошевелиться. Едва сдерживаясь, он выдавил из себя:

— ...Хорошо.

Вернувшись в усадьбу, Цинь Хуань, словно марионетка, выставил всех слуг. В огромных покоях остались только он и наступающий на него Сун Цичэнь. Как только дверь закрылась, воздух в комнате стал душным и опасным. С лица Суна слетела маска насмешливого безразличия, сменившись голодным блеском глаз хищника. Он приближался шаг за шагом, не сводя взгляда с живота Цинь Хуаня, который тот тщетно пытался скрыть под широкой накидкой.

— Теперь нас никто не потревожит, — голос Сун Цичэня звучал низко и угрожающе.

Он резко бросился вперед, повалив растерянного Цинь Хуаня на кровать.

— Что ты творишь?!

Цинь Хуань, не ожидавший такой прыти, с глухим стоном свернулся калачиком, когда в животе отозвалась острая боль.

— Что я творю? — Сун навис над ним, уперевшись руками в постель и загнав жертву в ловушку. Его горячее дыхание обжигало побелевшее лицо Цинь Хуаня. — Брат Цинь, мы так долго знакомы, а ты до сих пор меня не понял. Я ведь так люблю... исследовать странные и необычные вещи.

Его взгляд, словно осязаемый, впился в глаза Цинь Хуаня.

— Например, сейчас я до безумия хочу узнать... — он шептал, соблазняя и давя своим авторитетом, — что за сюрприз ты припрятал под этим балахоном?

Сердце Цинь Хуаня колотилось, готовое вырваться из груди. Он хотел оттолкнуть его, хотел кричать о помощи, но взгляд Суна и знание им тайны стали незримыми оковами, приковавшими его к месту.

Не дав ему опомниться, Сун Цичэнь навалился сверху, прижав коленом его ноги. Одной рукой он грубо прижал руки Цинь Хуаня к изголовью, а другой рывком распахнул полы его одежды. Даже имея догадки, при виде этого невероятного зрелища Сун Цичэнь невольно охнул. А затем шок сменился еще более сильным, почти извращенным возбуждением.

— Дай-ка я рассмотрю получше... — пробормотал он.

Его взгляд, словно липкая паутина, окутывал тело Цинь Хуаня, задерживаясь на выпуклом животе.

— Там, на улице, через одежду было плохо понятно...

Рука Сун Цичэня, обжигающе горячая, словно хозяйская лапа, обследующая владения, вновь легла на округлый живот. Он с садистским нажимом надавил, чувствуя упругую, странную податливость.

— А теперь позволь мне как следует посмотреть.

Он склонился еще ниже, его дыхание опаляло вздымающуюся грудь Цинь Хуаня.

— Ну? Отвечай мне. Что это за чертовщина?

Получив ответ, Сун Цичэнь словно выплеснул ведро масла в огонь своего желания. Ощущение нарушения запрета приносило ему куда больше удовольствия, чем просто физическая близость. Он рассматривал живот, как величайшую диковинку, грубыми пальцами с пугающей нежностью поглаживая выпуклость и чувствуя, как тело под ним дрожит.

— Малыш... ты ведь настоящий сюрприз... — голос его исказился от возбуждения, он шептал Цинь Хуаню прямо в ухо: — Не бойся, дай брату Суну рассмотреть тебя как следует, дай мне позаботиться о тебе.

Цинь Хуаня тошнило, к горлу подступал ком от ужаса и отвращения.

— Сун Цичэнь! Ты спятил?! Ты хоть понимаешь, что делаешь?! Мой отец — Великий наставник! — он пытался кричать, пытаясь вырваться, но голос срывался от страха.

Сун Цичэнь лишь одарил его улыбкой, в которой смешались вожделение и жестокость, и начал неторопливо развязывать пояс. Его взгляд, как змеиное жало, блуждал по телу Цинь Хуаня, ставшему еще более беззащитным в разорванных одеждах.

— Великий наставник? Ха... — он насмешливо фыркнул и с силой навалился коленями на ноги Цинь Хуаня. — Брат Цинь, если все вельможи Пекина узнают о том, что ты опозорил свой дом, как думаешь, они первым делом прикончат тебя как выродка или расправятся со мной?

Цинь Хуань вздрогнул, пронзенный холодной реальностью. В этот миг оцепенения он случайно дернулся, и его колено...

— Теперь страшно? — Сун Цичэнь наслаждался видом его ужаса.

Это чувство власти над сыном Великого наставника, помноженное на собственное раздутое эго, заставило его окончательно потерять рассудок. Когда Цинь Хуань в очередной раз попытался оттолкнуть его, взгляд Суна стал жестким, и он, не раздумывая, ударил.

— Хлоп!

Звонкая пощечина отбросила голову Цинь Хуаня в сторону. В ушах зазвенело, щека горела, а перед глазами поплыли черные круги. Вслед за этим большая рука сжала его горло. Это не было попыткой убить, но дыхание перехватило, принося мучительное чувство беспомощности.

Сун Цичэнь склонился над ним, глядя на покрасневшее от нехватки воздуха лицо и слезы, наполнившие глаза Цинь Хуаня, словно он любовался драгоценностью, которую собрался уничтожить.

— Будь послушным, брат Цинь... в таком виде, когда ты сопротивляешься, ты вызываешь еще больше желания... — его низкий голос звучал как шепот демона.

За окном слуги, оставленные ждать снаружи, отошли подальше, опустив головы. Однако ветер доносил до них обрывки подавленных, тихих стонов и плача, перемешанных с шорохом ткани и скрипом кровати, что терзало их нервы.

В тот самый момент, когда Сун Цичэнь с жадностью и жестокостью бросил Цинь Хуаня на кровать, далеко отсюда, в маленьком дворике деревни Янь, Янь Ши Ань, сидевший за пряхкой, все почувствовал. В его темных глазах мелькнула странная улыбка.

Время пришло.

Эти «малыши» должны вернуться домой. Вся та грязь, что творилась там, не должна осквернять их взор. Он едва уловимо напряг волю, отдавая приказ духам младенцев, все еще сидевшим в животе Цинь Хуаня:

«Наигрались? Пора. Возвращайтесь».

Эти духи, рожденные из осколков силы и одержимости Линь Шуан, инстинктивно подчинялись зову «старшего». Они тут же покинули свое временное прибежище, превратившись в едва заметные искорки света, и бесшумно растворились в воздухе, следуя приказу и возвращаясь в лоно природы.

Поэтому, когда Сун Цичэнь совершал свое насилие, внутри у Цинь Хуаня на самом деле уже было пусто. Те удары и толчки уничтожали лишь тело, временно растянутое и искаженное силой духов, да самого измученного Цинь Хуаня.

Когда он пришел в себя после короткой потери сознания и продолжавшихся пыток, первое, что он ощутил — это хаос. Все тело болело, словно его разобрали и собрали заново, особенно... внизу, откуда исходила невыразимая боль и чувство разрыва. Воздух был пропитан запахом крови и чем-то еще, что напоминало ему о пережитом кошмаре.

— Го... господин! — слуга, бледный как полотно, вбежал в комнату, заслышав шум. Увидев Цинь Хуаня, обмякшего на кровати, словно тряпичная кукла, с пустым взглядом и пугающими пятнами крови, он в ужасе закричал: — Скорее! Сообщите Великому наставнику! Позовите лекаря! Нет! Найдите лучшего врача в городе! Быстрее!

Весть молнией разлетелась до резиденции Великого наставника. Цинь Хуэй, узнав о случившемся, пришел в ярость и ужас — с одной стороны, он готов был растерзать Сун Цичэня, с другой — боялся огласки. Он немедленно отправил к усадьбе самого доверенного

лекаря с лучшими лекарствами, приказав держать все в тайне.

Когда Цинь Хуаня привели в порядок и лекарь, дрожа от страха, приступил к осмотру, его пальцы долго лежали на запястье пациента. Выражение его лица сменилось с тревожного на крайнее изумление.

Это... это пульс...

Признаки беременности... исчезли. На их месте были признаки тяжелых последствий выкидыша: истощение, повреждение каналов и серьезное кровотечение. И все это — из-за сильного внешнего воздействия и... соития.

Лекарь рухнул на колени, его трясло, как осиновый лист. Он лепетал, запинаясь:

— Великий наставник... молодой господин... у него выкидыш! Прежние признаки беременности... из-за сильного удара... он потерял плод!

Слова, словно гром среди ясного неба, повергли всех присутствующих в оцепенение. Беременность мужчины... само по себе было дикостью. А теперь еще и выкидыш из-за насилия со стороны другого мужчины... Это был скандал, каких свет не видывал, позор, по сравнению с которым прежняя «странная болезнь» была детским лепетом.

У Тайши Циня потемнело в глазах. Он ухватился за стол, впившись пальцами в дерево, чтобы не упасть. Глядя на сына с пустым взглядом, он прошипел лекарю сквозь зубы:

— Там все чисто? Ничего не осталось?

Лекарь, обливаясь холодным потом, не смел поднять головы:

— Верно, господин... судя по пульсу, все вышло... но тело господина сильно повреждено, нужен долгий уход...

Цинь Хуэй закрыл глаза, глубоко вздохнул, а когда открыл их, в них застыла ледяная решимость.

— Если хоть слово об этом выйдет за пределы этой комнаты, никто из вас не живет.

После появления Ши Аня маленький дворик Хун Сюин стал похож на старый колодец, поцелованный весенним ветром, — он наполнился невиданной доселе жизнью. Сама она тоже

чувствовала, что ее сердце стало яснее, а руки, и без того умелые, начали творить чудеса.

Особенно на кухне. Обычные овощи и крупы в ее руках превращались в деликатесы, от аромата которых даже она сама иногда приходила в изумление.

Первыми на этот аромат слетелись лисы во главе с Бай Лин. Поначалу Бай Лин просто хотела полакомиться — еда благодетельницы была куда вкуснее лесных ягод и сырого мяса. Маленькие лисята, которых она привела для охраны, тоже каждый день караулили у порога кухни, виляя пушистыми хвостами.

Но со временем старая лиса Бай Лин заметила странность. После еды не только наступало приятное тепло, но и внутренняя энергия, казалось, очищалась, став более плавной, а застарелые барьеры в культивации — податливыми. Она поняла: еда Хун Сюин — это клад для совершенствующегося. Неудивительно, что после потери внутренней жемчужины она так легко восстанавливалась.

Следом за лисами чудеса дворика почуяли и другие лесные духи. Вскоре «пушистых» в доме стало больше. Кроме восьми белых и рыжих лис с блестящей шерстью, здесь поселились и другие «гости». У стены появился молчаливый еж, иглы которого начали поблескивать, — по ночам он помогал Хун Сюин избавляться от вредителей на грядках.

<http://bllate.org/book/21973/2283000>